

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

П.С. ВОЛКОВА
(Краснодар)

**ЭМОТИВНОСТЬ КАК МЕТОД
ВХОЖДЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВО
МЕЖЛИЧНОСТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Эмотивность представлена в качестве универсального метода, призванного направлять и корректировать речевое взаимодействие акторов, стремящихся к достижению эффективности межличностной коммуникации. Результативность методологической направленности эмотивности иллюстрируется примерами из художественной коммуникации (литература, живопись, музыка).

Ключевые слова: *эмотивность, актуальные и виртуальные эмотивы, индивидуальная информационная система (ИИС), индивидуальная концептуальная система (ИКС), невербальные и вербальные компоненты, коммуникативно-эмоциональная личность (КЭЛ), обыденная vs художественная коммуникация.*

Обращение к эмотивности как методу, обеспечивающему качество межличностной коммуникации, обусловлено предельной банализацией речевого поведения, представленного триадой «передающая / кодирующая инстанция – сообщение – принимающая / декодирующая инстанция». Несмотря на то, что принимающая инстанция в какой-то момент становится инстанцией передающей и наоборот, во всех без исключения случаях обоюдная связь текста и актуализируемого посредством его декодирования контекста носит формальный характер, поскольку процесс кодирования происходит изолированно от процесса декодирования в их отношении к передаваемому сообщению. В итоге тот факт, что именно сегодня лживая коммуникация приобретает невиданные масштабы [17], оказывается вполне закономерным: проходящие под знаком симуляции коммуникативно-языковые процессы санкционируют терроризм кода, вовлекая включенных в практику коммуницирования акторов в тотальный самообман.

Другими словами, в ситуации, когда эффективность передачи сообщения ставится в зависимость от эффектно поданной информации, антагонизм речевых партнеров, равно как

и амбивалентность их обмена, воспринимается с позиции требующей устранения помехи. Однако именно свободно циркулируемая информация, которая используется коммуникантами без каких-либо затруднений, превращает «великий разговор социальных связей» в глобальный монолог [4], поскольку каждый из акторов в действительности преследует исключительно свой интерес, подчас ловко маскируя свои намерения. Напротив, подлинно межличностная коммуникация невозможна до тех пор, пока потребность согласовать имманентно присущие речевым партнерам противоречия не попадает в разряд базовых аксиологических установок, самоценность которых не подвергается сомнению. Игнорирование этого факта сводит на нет многочисленные усилия со стороны теоретиков и практиков коммунологии по оптимизации межличностной коммуникации, которая остается «школой слова» вместо того, чтобы быть «школой мысли».

В качестве примера остановимся на коллективном труде «Межличностная коммуникация: теория и жизнь», увидевшем свет в 2011 г. Акцентируя внимание на этической природе речевого взаимодействия, авторы выстраивают свою коммуникацию в опоре на обусловленные разумным эгоизмом нормы и правила, что делает их одинаково полезными и для так называемой теневой коммуникации, в фокусе которой – основанные на лжи манипулятивные технологии [10, с. 58]. При этом упоминаемое С.А. Биби и Ж.В. Зарицкой «платиновое правило общения», которое гласит: «Относись к другим так, как бы они этого хотели» [Там же, с. 480], – мало что меняет. Более того, именно такая коммуникативная ситуация, участники которой будут стремиться следовать по отношению друг к другу этому правилу, окажется наиболее абсурдной по одной простой причине. Сознательно идя навстречу желанию своего речевого партнера ради достижения собственной выгоды, актер превращается в утратившего идентичность имитатора.

Думается, что сложившееся в зарубежной и отечественной коммунологии положение дел отчасти обусловлено намеренным отказом ученых различать смысл и значение на том основании, что их имманентное различие относительно, а сами «границы между ними подвижны» [Там же, с. 63]. Однако, соглашаясь с тем, что «противопоставление смысла и значения малофункционально» [Там же], научное сообщество уходит от необходимости при-

знать неоспоримость высказанного Дж.Г. Мидом положения. Речь идет о том, что «присутствие значения в процессе социального бытия» (цит. по: [14, с. 251]) не обязательно предполагает его осознание со стороны речевого субъекта. «Несмотря на то, что значение может стать осознанным среди людей», оно нередко обнаруживает себя «в социальном действии *прежде* появления» необходимости его осознания [Там же].

Для того чтобы выяснить, каким образом такое оказывается возможным, необходимо вспомнить о двойственности человеческой природы, представленной на *биологическом* и *социальном* уровнях. Развивая концепцию Р.И. Павилениса [12], заметим, что в первом случае речь идет об автоматически запущенном природой механизме – *индивидуальной информационно-системе (ИИС)*. Функционируя на уровне *самоорганизации*, она призвана обеспечивать непрерывный процесс переработки и хранения поступающей по внешним каналам восприятия информации посредством взаимодействия ее невербальных и вербальных компонентов.

Примечательно, что эмоционально-чувственный характер невербальных компонентов не отменяет их интеллектуального статуса, тем более что они и фактически, и логически предшествуют возникновению компонентов вербальных [Там же]. Другими словами, значимость вербальных компонентов определяется лишь необходимостью кодировать невербальный опыт с тем, чтобы манипулировать этим опытом через манипулирование вербальными знаками. При этом собственно кодирование невербальных компонентов вербальными осуществляется на основе *принципа интерпретации* [Там же].

Гипотетически ИИС может рассматриваться коррелятом врожденной языковой компетентности. Ее актуализация реализуется индивидом посредством овладения навыками говорения, т. е. тем, что В. фон Гумбольдт называл голым, абстрактным артикуляционным чувством [6]. Поскольку специфика ИИС напрямую связана с ее самоорганизацией, постольку, осуществляя процесс переработки и накопления информации исключительно объективно, она оставляет за наделенным врожденной языковой компетентностью индивидом роль пассивного потребителя. Кодирование невербальных компонентов системы вербальными продиктовано здесь необходимостью адаптации организма к окружающей действительности. Подобный опыт отвечает *по-*

знающей деятельности сознания [8]. Именно в этом случае язык являет собой реакцию организма на инстинктивно-рефлекторные сигналы. Налицо ситуация, когда значение «присутствует в социальном действии *прежде* его (значения) осознания» (цит. по: [14, с. 251]).

Во втором случае (имеется в виду противоположный биологическому уровню – уровень социальный) речь идет об *индивидуальной концептуальной системе (ИКС)*, организация которой находится в ведении занимающего активную позицию по отношению к своей биологической природе речевого субъекта. Суть такой организации заключается в субъективизации изначально объективного опыта, что с неизбежностью влечет за собой отказ действовать в согласии с установленным природой порядком. Попытаемся предположить, что если в рамках представленной в своей целостности ИИС ее вербальные компоненты кодируют компоненты невербальные, то в ситуации, когда обозначенная система выступает лишь частью коммуникативно-эмоциональной личности (КЭЛ) как целого, происходит нечто прямо противоположное. Сначала невербальные компоненты декодируют вербальные, а уже потом вербальные компоненты кодируют полученный в результате декодирования невербальный опыт [20, с. 138–163].

Значимость подобного шага продиктована тем, что собственная деятельность (мыследеятельность) не может начаться до тех пор, пока не произойдет «обнуление» прежнего опыта. При этом фундаментальный для ИИС принцип интерпретации оказывается дополненным *принципом реинтерпретации* (латинская приставка *re* означает одновременно возврат / повторение и отказ / изменение [15]). В этом случае ИИС обретает статус *индивидуальной концептуальной* (т. е. смысловой) *системы (ИКС)*, в рамках которой актуализация языка происходит вследствие рефлексивной деятельности (*рефлексия* от лат. «обращение назад»), что обеспечивает языку возможность наряду с адаптивной функцией выполнять и функцию преобразующую. Налицо ситуация, когда в результате *смыслообразующей деятельности сознания* [8] значение становится для коммуниканта осмысленным.

Осуществив проекцию двойственной природы человека на двойственный характер эмотивности [16], выскажем предположение, согласно которому *актуальные эмотивы* предстают неотъемлемой составляющей автоматически запущенной природой системы, способствуя адаптации осуществляющих ком-

муникативный акт речевых партнеров друг к другу с учетом того, что каждый из них преследует собственную цель. Напротив, *виртуальные эмоции* оказываются принадлежностью смыслообразующей деятельности акторов. Обеспечивая речевых партнеров изнутри идущей мотивацией на *осознанное преодоление* неизбежных в процессе межличностной коммуникации разногласий, такая мыследеятельность осуществляется вне какого-либо корыстного интереса. Являя собой сугубо духовный акт, смыслообразующая деятельность речевых партнеров делает подлинным их совместное бытие в пространстве межличностной коммуникации, одинаково способствуя как их взаимообогащению, так и возвышению [19]. И то и другое – результат отказа от слепого подчинения природной программе в пользу свободно осуществляемой мыследеятельности.

В данном контексте важно обратить внимание на весьма существенный для нас момент. Установка на декодирование вербальных компонентов невербальными с их последующим кодированием являет собой перевод виртуальных эмоций в реальные. Сопровождаемый «погружением» в невербальность как некое «хранилище» информации, такой перевод с неизбежностью делает расплывчатым поле восприятия коммуниканта. Принимая во внимание полученные Я. Рейковским в ходе эксперимента данные, подтверждающие мысль о том, что поле восприятия индивида тем более подвержено влиянию эмоций, чем более оно расплывчато [13], мы имеем все основания констатировать: опыт декодирования вербальных компонентов невербальными есть не что иное, как выход на невербализованный личностный смысл [5]. Будучи весьма неустойчивым под натиском непрерывно поступающей по внешним каналам восприятия информации, он требует своей вербализации, т. е. кодирования возникающего в результате декодирования вербальных компонентов системы невербального опыта.

Здесь весьма уместным будет напомнить ключевые положения символического интеракционизма Дж.Г. Мида. Нацеленный на поиск условий, способствующих состоятельности социального взаимодействия, ученый пишет о существовании, с одной стороны, скрытого и явного поведения, с другой – символов и значений. Знаменательно, что если «скрытое поведение как процесс мышления актора, включающий символы и значения, коррелирует с его – актора – внутренним поведением, то

явное поведение коррелирует с внешним поведением» (цит. по: [14, с. 263]). Несмотря на то, что «оба поведения реальны», у ряда акторов явное поведение не содержит скрытого, «место» которого занимают «привычное поведение или бессознательные реакции на внешние стимулы» [Там же].

На наш взгляд, важность позиции зарубежного ученого обусловлена тем, что как инициируемые внутренним поведением мидовские символы могут быть уподоблены виртуальным эмоциям, чья неоднозначность обусловлена эмотивной валентностью, так и мидовские значения являют собой аналог функционирующих в единстве вербального и невербального личностных смыслов, которые в терминологии А.Н. Леонтьева получают название «значения для меня» [8]. Напротив, когда речь идет о внешнем поведении, в котором «место» внутреннего занимают «бессознательные реакции на внешние стимулы» (цит. по: [14, с. 263]), даже формально обладающие статусом актуальных эмотивов значения в действительности предстают в качестве объективно функционирующих в рамках ИИС знаков.

Таким образом, расхожая мысль, согласно которой «любой разговор» является процессом «смыслового взаимодействия», в рамках которого «происходит выяснение и согласование... систем координат или личностных смыслов» [10, с. 26], не отвечает реальному положению дел. К сожалению, в большинстве случаев коммуниканты действуют на уровне обусловленного природным механизмом автоматизма, т. е. безо всякого смысла, что в итоге создает благотворную почву для лживой коммуникации.

Вне духовного акта, каковым является процесс смыслообразования, инициируемый мыследеятельностью речевых партнеров, коммуникативный акт с неизбежностью оборачивается поединком «говорящих животных». Отстаивая в таком поединке свой сугубо «шкурный» интерес, каждое из них тщательно скрывает его посредством заученного в полном соответствии с правилами эффективной коммуникации речевого действия. Потому утверждать, что любое осуществляемое коммуникантом «сообщение есть передаваемый смысл» [Там же, с. 24] – значит вводить речевых партнеров в самообман.

Рассмотрев эмотивность в аспекте ИКС, мы имеем все основания утверждать, что именно эмотивность в единстве актуальных и виртуальных эмотивов выступает гарантом единства *emotio* и *ratio* как единства внутреннего

(невербального) и внешнего (вербального), вне которого межличностная коммуникация обречена на вырождение. Пожалуй, именно недооценка роли эмотивности в становлении КЭЛ приводит к тому, что даже тогда, когда мысль о нераздельности в реальной жизни вербального и невербального неоднократно провозглашается наряду с утверждением важности невербальных смыслов языкового общения [10], в целом научный интерес коммуникологов по-прежнему остается сосредоточенным на реализуемом вовне акте говорения, который объединяет в себе лингвистические и паралингвистические средства выразительности.

Отчасти сложившаяся практика может быть оправданной постольку, поскольку в обыденной коммуникации природный автоматизм с неизменностью берет верх над собственно рефлексивной деятельностью. Осознавая мощь и силу природы, выскажем надежду на то, что своего рода тренажером для выработки и закрепления навыков межличностной коммуникации, осуществляемой полноправно владеющими своей ИКС актерами, может быть искусство. Правомерность нашей точки зрения обуславливается тем, что, во-первых, каждое художественное произведение обладает, аналогично человеку, о текстовой сути которого весьма проникательно писал В.В. Налимов [11], двойственной природой. В одном случае мы имеем дело с материей как *данной*, в другом – с тем, что не является материей, но что, однако, рождается исключительно в лоне материальности, т. е. *созданным* [1]. В отношении музыкального искусства имеется в виду как эксплицитно представленная в нотном тексте система музыкальных грамматик, так и имплицитно звучащая в нем интонационная форма [13]. В словесном творчестве – наличие организованного материала и того, что выводит словесное произведение за границы материальности [1]. В искусстве изобразительном – главенство Термина, под знаком которого картина предстает безгласной вещью, и главенство Метафоры, обеспечивающей возможность внимать голосу создателя картины [9].

Во-вторых, в контексте искусства любое произведение обладает статусом художественного сообщения, что обеспечивает читателю, зрителю или слушателю положение речевого партнера писателя, художника или композитора. При этом в случае невербальной художественной речи, на уровне которой предстают живопись, музыка, балет и т. п., речевой партнер будет поставлен перед необходи-

мостью кодировать невербальные компоненты ИКС автора вербальными компонентами собственной ИКС в опоре на актуальные эмотивы. В их числе помимо отмеченного вербальностью названия будут такие невербальные компоненты, как темп, регистр, тональность, ритм, динамика, тип речи и т. п. Опираясь на них, мы «считываем» в «Лунной сонате» Бетховена светлую печаль человека, принявшего свое одиночество и не потерявшего себя и свое чувство в борьбе с невзгодами, а в одноименной сонате московского композитора Виктора Екимовского – безысходность отчаяния загнанного в угол невратеника. Точно также в опоре на специфические для изобразительного искусства актуальные эмотивы – цвет, форму, линию, крупный план, фон, рельеф и т. п. – мы постигаем радость обусловленного свободой выбора любовного чувства в «Алжирских женщинах» П. Пикассо, которое в одноименной картине Э. Делакруа отмечено томной грустью запертых в духоте золотой клетки гарема наложниц.

Другими словами, запечатленные в своей материальности актуальные для композитора или художника эмотивы в совокупности со всеми другими средствами выразительности, характерными для творческого наследия мастера, предстают для слушателя или зрителя в качестве виртуального эмотива. Обуславливая расплывчатость поля восприятия актора, виртуальный эмотив стимулирует у него рождение невербализованного личностного смысла. Вербализация последнего со стороны субъекта, выступающего в качестве речевого партнера композитора или художника, есть не что иное, как перевод виртуального эмотива в реальный. По сути, именно подобный опыт мы продемонстрировали выше, когда в музыкальных композициях Бетховена и Екимовского увидели *светлую печаль обреченного на одиночество героя* и *безысходность отчаяния загнанного в угол невратеника*, а в живописных полотнах Делакруа и Пикассо почувствовали *томную грусть вынужденных жить в неволе наложниц* и *радость свободной от эгоизма любви, делающей мужчину и женщину сотрудниками самого Творца*.

В-третьих, аргументируя мысль о том, что эмотивность сохраняет статус универсального метода, обеспечивающего эффективность межличностного взаимодействия, в том числе в пространстве художественной коммуникации, обратим внимание на связь эмотивности с поступком, который осуществляется изнутри поступающего сознания. Выступая на уров-

не отмеченного эмоционально-волевым тоном «участного мышления», «у которого язык исторически выростал в услужении» [3, с. 34], поступок являет собой акт декодирования невербальными компонентами вербального опыта, коррелируя с иницируемым виртуальными эмоциями невербализованным личностным смыслом. Здесь участное мышление Бахтина в корне противостоит эмоциональному интеллекту Д. Гоулмана [22]. Если у Бахтина речь идет о сознательно актуализируемом единстве (со-бытии) данного и созданного как об опыте *мыследеятельности*, обусловленном нераздельностью *ratio* и *emotio*, то у Гоулмана – о *мыследействии*, в рамках которого интеллект корректирует / контролирует проявляющиеся вовне эмоциональные реакции.

Возвращаясь к работе Дж.Г. Мида, у которого внутреннее, т. е. скрытое, поведение обнаруживает сходство с поступающим, т. е. участным, сознанием Бахтина подобно тому, как поведение явное, т. е. внешнее, – с эмоциональным интеллектом Гоулмана, подчеркнем, что в случае *мыследействия* мы можем говорить о диктате вербальности (рациональности) над невербальностью (иррациональностью) как трагической инверсии характерных для природной целесообразности компонентов. Другими словами, изначально отвечая потребностям участного (невербального) мышления, вербальность оказывается на службе у мышления абстрактного, т. е. безучастного.

Доминирование иницируемой голой абстракцией рациональности – ярчайшее свидетельство обособившегося от сущности существования. Потому, констатируя, что основанный на рациональности акт говорения «совершается без труда отвлеченной мыслью, когда мы подводим себя под общую с другими норму... или под общий познавательный закон» – «...психологический, социальный...» [2, с. 134], коммуникативный, Бахтин называет такой абстрактный опыт прямо противоположным «конкретному и ценностному переживания себя как другого» [Там же]. Достижение последнего происходит посредством обеспечения единства внутреннего и внешнего эмотивности, когда вербальное значение насыщается невербализованным личностным смыслом, обретая для вступающего в диалог с искусством коммуниканта «значение для меня» [8].

Только таким образом, например, нейтральная для самых разных коммуникантов лексема *шинель* становится для Н.В. Гоголя, услышавшего однажды из уст своего речево-

го партнера анекдотическую историю о незадачливом чиновнике, тем реальным эмотивом, который занимает в его повести сильную позицию текста. Более того, цели раскрытия эмотивного потенциала данной лексемы и служит, по сути, от начала до конца написанная Гоголем повесть «Шинель». При этом направление деятельности (мыследеятельности) читателя, выступающего в качестве речевого партнера Гоголя, задают виртуальные эмотивы, тогда как эмотивы актуальные позволяют читателю не сбиться с пути, отвечая за приближенное к авторскому адекватное понимание этого «анекдота». Подобным образом организованная работа обеспечивает читателю статус соавтора писателя, а высказанная им точка зрения по поводу представленного в качестве *данного* авторского сообщения трансформируется в уподобляемое ответной речи *созданное*.

То обстоятельство, что актер имеет возможность вдумчиво работать с представленным на уровне картины, книги или нот, в том числе видео или аудиозаписи, сообщением своего речевого партнера, делает очевидным неоспоримое преимущество художественной коммуникации перед осуществляемой здесь и сейчас коммуникацией обыденной. Имеется в виду не ограниченный рамками сиюминутного разговора процесс смыслообразования, который поддерживается бескорыстным интересом к получаемому от речевого партнера сообщению, вследствие чего художественное произведение становится для его автора «входным билетом» в пространство межличностной коммуникации. Более того, владение одним типом художественной коммуникации (например, вербальной) открывает возможность овладеть всеми другими типами [18].

Сложившееся положение дел обусловлено тем, что прежде нейтральные, «равнодушные значения» [8], которые зафиксированы на уровне знаков языка в художественном творении, имплицитно хранящем в себе ценностное отношение к ним автора, обретают для его речевого партнера – читателя, зрителя, слушателя – «значение для меня» [Там же], вновь насыщаясь личностным смыслом. В силу того, что упомянутый взаимообмен являет собой исключительно духовный, лишенный какой-либо эгоистической оценки акт, именно художественная коммуникация может дать представление об идеальной межличностной коммуникации, которая в обыденной жизни столь труднодостижима. Думается, что предоставляемый искусством опыт создания идеально / духовного коммуникативного акта, орга-

низуемого посредством эмотивности, позволит читателю, зрителю или слушателю осознать существенную разницу между актом говорения и речевым поступком.

Подводя итог проведенному исследованию, нельзя не признать, что статус эмотивности как метода актуализации эффективности межличностной коммуникации обусловлен ее причастностью к индивидуальной концептуальной системе как частной форме социальной деятельности [21], вследствие чего эмотивность пронизывает все жизненное / коммуникативное пространство человека. Играя непосредственную роль в процессе смыслообразования, осуществляемого речевыми партнерами в пространстве межличностной коммуникации, эмотивность, таким образом, выступает в качестве регулятора жизнедеятельности самых разных представителей социума. Коррелируя с участным мышлением, или, что то же самое, этическим поступком, эмотивность оказывается одним из действенных механизмов становления обусловленной единством *emotion* и *ratio* целостной КЭЛ, в которой вербальное и невербальное находятся в гармоничном соответствии, выступая знаком психического здоровья.

Закладывая фундамент для личностного роста речевых партнеров как неперемного условия эффективного коммуникативного акта, эмотивность обеспечивает их возможностью не только опознавать лживую коммуникацию, но и противостоять ей. Именно то обстоятельство, что эмотивность обнаруживает себя в центре диалогической концепции гуманитарного знания, дает речевым партнерам возможность осознать разницу между идеальной межличностной коммуникацией, достижение которой происходит в диалоге с искусством, и отмеченной повседневностью теневой коммуникацией. Все это выводит эмотивность как языковую категорию на качественно иной уровень – уровень универсального метода, способствующего пробуждению собственно человеческого в человеке.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Его же. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 257–321.
2. Бахтин М.М. Пространственная форма героя // Его же. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 105–168.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Его же. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 11–68.

4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Урал: Изд-во Урал-ун-та, 2000.

5. Виллонас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976.

6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

7. Даниэль С.М. Термин и метафора в интерпретации живописного произведения // Сов. искусствознание. М., 1986. Вып. 20. С. 47–56.

8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983.

9. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки. М.: Композитор, 1993.

10. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матяш [и др.]. СПб.: Речь, 2011.

11. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989.

12. Павиленис Р. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.

13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.

14. Ритцер Д. Символический интеракционизм // Его же. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 238–286.

15. Фокин А. К вопросу о поэтической реинтерпретации на материале творчества Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://krishnahouse.narod.ru/interb.html> (дата обращения: 21.10.2010).

16. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008.

17. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016.

18. Шаховский В.И., Волкова П.С. Этико-эстетический аспект экологии эмоций в произведениях искусства // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 33–43.

19. Шаховский В.И. Возвышение языком // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 1998.

20. Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 4. С. 138–163.

21. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. культ. политики, 1995.

22. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ? Bentam Books, 1997.

* * *

1. Bahtin M.M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve // Ego zhe. Raboty 1920-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 257–321.

2. Bahtin M.M. Prostranstvennaja forma geroja // Ego zhe. Raboty 1920-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 105–168.

3. Bahtin M.M. K filosofii postupka // Ego zhe. Raboty 1920-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 11–68.

4. Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo. Ural: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.

5. Viljunas V.K. Psihologija jemocional'nyh javlenij. M.: MGU, 1976.

6. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984.

7. Danijel' S.M. Termin i metafora v interpretacii zhivopisnogo proizvedenija // Sov. iskusstvoznanie. M., 1986. Vyp. 20. S. 47–56.

8. Leont'ev A.N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: v 2 t. M.: Pedagogika, 1983.

9. Medushevskij V.V. Intonacionnaja forma muzyki. M.: Kompozitor, 1993.

10. Mezhlichnostnaja kommunikacija: teorija i zhizn' / O.I. Mat'jash [i dr.]. SPb.: Rech', 2011.

11. Nalimov V.V. Spontannost' soznaniya: Verovatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti. M.: Izd-vo «Prometej» MGPI im. Lenina, 1989.

12. Pavilenis R. Problema smysla. M.: Mysl', 1983.

13. Rejkovskij Ja. Jeksperimental'naja psihologija jemocij. M.: Progress, 1979.

14. Ritcer D. Simvolicheskij interakcionizm // Ego zhe. Sovremennye sociologicheskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002. S. 238–286.

15. Fokin A. K voprosu o pojeticheskoi reinterpretacii na materiale tvorcestva Iosifa Brodskogo [Elektronnyj resurs]. URL: <http://krishnahouse.narod.ru/interb.html> (data obrashhenija: 21.10.2010).

16. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008.

17. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016.

18. Shahovskij V.I., Volkova P.S. Jetiko-jesticheskiy aspekt jekologii jemocij v proizvedenijah iskusstva // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 33–43.

19. Shahovskij V.I. Vozvyshenie jazykom // Mir na Severnom Kavkaze cherez jazyki, obrazovanie, kul'turu. Pjatigorsk: Pjatigorsk. gos. lingv. un-t, 1998.

20. Shahovskij V.I., Volkova P.S. Jemotivnost' kak princip poznajushhej i smysloobrazujushhej dejatel'nosti soznaniya // Mir lingvistiki i kommunikacii. 2017. № 4. S. 138–163.

21. Shhedrovickij G.P. Izbrannye trudy. M.: Shk. kul't. politiki, 1995.

22. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?

Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication

The article deals with emotivity as a universal method designed to guide and correct the speech interaction of interlocutors seeking to achieve the effectiveness of interpersonal communication. The effectiveness of the methodological orientation of emotivity is illustrated by examples from artistic communication (literature, painting, music).

Key words: *emotiveness, actual and virtual emotions, individual information system, individual conceptual system, non-verbal and verbal components, communicative emotional personality, ordinary vs. artistic communication.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

Л.А. ПИОТРОВСКАЯ
(Санкт-Петербург)

ЭМОТИВНЫЙ СИНТАКСИС: ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Обсуждается вопрос о природе фразеологизации в синтаксисе на материале эмотивных синтаксических моделей русского языка. Предлагается применить принципы классификации лексических фразеологизмов, выделенные В.В. Виноградовым, к синтаксическим фразеологизированным конструкциям и, соответственно, выделять синтаксические фразеологические сращения, синтаксические фразеологические единства и синтаксические фразеологические сочетания.

Ключевые слова: *эмотивный синтаксис, фразеологизация, синтаксическая фразеология, синтаксическая модель, синтаксические фразеологические сращения, синтаксические фразеологические единства, синтаксические фразеологические сочетания.*

Идиоматичность значения сложных языковых единиц традиционно изучается в лексикологии. В то же время начиная с 1960-х гг. в синтаксических исследованиях, выполненных на материале различных языков, термин *фразеологизация* стал использоваться примени-